

Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве

Гаман-Голутвина О. В.

Статья посвящена анализу конфигурации и роли государства в постсоветских странах. По мнению автора, ключевой проблемой выступает слабость государства в качестве агента модернизации. Несмотря на значительную культурно-цивилизационную, политико-культурную и внутривнутриполитическую специфику ранее входивших в состав СССР стран, для последних характерно сходство по целому ряду значимых параметров. Среди этих параметров доминирование тяготеющих к жестким политическим формам режимов и фактическое фиаско модернизационных проектов. Сочетание данных характеристик дает основание определить политико-инструментальный дизайн данных государственных образований как авторитаризм без развития. Последнее служит анти-тезисом по отношению к известному из опыта большинства модернизаций XX в. (СССР, Испания, новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, Латинская Америка, Китай последних трех десятилетий) суждению о том, что ключевым агентом модернизаций выступало государство развития, действовавшее преимущественно в режиме авторитаризма развития.

Прежде всего, следует отметить важность концептуальных оснований анализа вынесенной в заглавие статьи темы. В качестве таких концептуальных оснований выступает широкий спектр теорий государства, вне которого релевантное изучение темы невозможно¹. Если использование категории «постсоциалистические страны» проблематично, поскольку Узбекистан и Венгрия имеют мало общего, то понятие «постсоветские страны» не является пустым множеством и сохраняет свое эвристическое значение. Несмотря на значительную культурно-цивилизационную и политико-культурную специфику и диверсификацию внутривнутриполитического дизайна стран, ранее входивших в состав СССР, последние даже по прошествии двух десятилетий после распада общего государства сохраняют сходство по целому ряду значимых современных параметров.

Среди этих параметров обращает на себя внимание сочетание двух характеристик — доминирование

тяготеющих к жестким политическим формам режимов (хотя данные форматы не исчерпывают весь представленный на данном пространстве спектр — Украина и Молдова представляют иную феноменологию) или откровенно авторитарных режимов (например, Узбекистан, Туркменистан) и фактическое фиаско модернизационных проектов. Сочетание данных характеристик дает основание определить политико-инструментальный дизайн данных государственных образований как авторитаризм без развития. Последнее служит анти-тезисом по отношению к известному из опыта большинства модернизаций XX в. (СССР, Испания, новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, Латинская Америка, Китай последних трех десятилетий) суждению о том, что ключевым агентом модернизаций выступало государство развития, действовавшее преимущественно в режиме авторитаризма развития.

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна — доктор политических наук, профессор, зав. Кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, вице-президент Российской Ассоциации политической науки, e-mail: ogaman@mail.ru

Анализ внутриполитических конфигураций постсоветских государств позволяет выделить три идеальных типа:

- «вертикально-интегрированный» (Россия, Белоруссия);
- «мозаичный» (Украина, Молдова);
- «клановый» (постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа).

Теоретически, с точки зрения классических канонов «авторитаризма развития», потенциальным модернизационным актором могла стать сложившаяся в России в начале 2000-х гг. «вертикаль управления», однако этого не случилось. Вместо системной ориентации на достижение целей развития, активной промышленной и региональной политики, интенсивного развития науки и образования, стимулирования основанной на меритократических принципах вертикальной мобильности, формирования соответствующей институциональной инфраструктуры, составляющих ключевые задачи *государства развития*, эксперты констатируют:

- крайнюю слабость функции стратегического целеполагания, включая стратегическое управление экономикой;
- вялую и неартикулированную политику в системообразующих сферах;
- неоправданное и нерациональное усиление отраслевых и региональных диспропорций;
- нивелировку меритократических критериев вертикальной мобильности;
- доминирование в официальном дискурсе устаревших представлений о соотношении роли экономических и социальных факторов в современном государственном управлении;
- недооценку роли экспертной проработки принимаемых решений и низкое позиционирование родившихся вне истеблишмента альтернатив;
- неоптимальность соотношения партикулярных и общенациональных интересов в процессах формирования государственной политики;
- коррупциогенность управленческой системы как ее системообразующее качество².

Что касается остальных постсоветских государств, «мозаичные» (Украина, Молдова) и «клановые» (постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа) — их модификации в существующих вариантах в еще меньшей степени релевантны модернизационным задачам. Особый случай представляет Белоруссия, которая — хотя и с существенными оговорками, видимо, может быть рассмотрена в контексте авторитарного индустриализма, направленного на сохранения промышленного потенциала. Во всяком случае, на протяжении отдельных постсоветских периодов темпы экономического роста в Белоруссии были самыми высокими в Европе: применительно к промышленности — 17 % в 1997 г. и 15 % в 2004 г; рост ВВП составлял около 10 % при том, что четверть бюджета расходовалась на преодоление последствий Чернобыльской катастрофы³.

Однако проблема неэффективности постсоветских государств как агента модернизации не ограничивается прикладными измерениями. Она обусловлена также рядом концептуальных изъянов. К их числу следует отнести доминирующее в постсоветском дискурсе упрощенное понимание роли государства в современном мире. Оно нередко интерпретируется как громоздкая и затратная совокупность учреждений и организаций, имманентно не поддающаяся рациональному реформированию. Подобный подход сыграл значимую роль в выборе стратегии реформ систем в России, Казахстане, Украине, ряде других постсоветских стран в течение последнего десятилетия. Неудачи этих реформ были определены гипертрофированным влиянием идей концептуальной парадигмы New Public Management (NPM) на выбор стратегии реформирования⁴.

На протяжении последних трех десятилетий данная концептуальная парадигма была основой реформирования систем государственного управления в трех десятках стран с разной степенью успеха. Данная парадигма стала революцией в воззрениях на государство, которое из всеохватного Левиафана предстало поставщиком услуг; на место интерпретации государства как средоточия мирового разума пришел сервисный подход к пониманию государства, представлявший его в качестве организации, ориентированной на оказание услуг гражданам. Речь идет о новом разделении ответственности между государством и обществом: современное государство не должно само выполнять все стоящие перед ним задачи, а обязано обеспечить выполнение этих задач.

Стратегические функции остаются за госаппаратом, тогда как функции предоставления услуг передаются коммерческому сектору и институтам гражданского общества. Предпосылками формирования данной парадигмы стала избыточная стоимость сформировавшихся в развитых странах welfare states и избыточная численность их аппарата управления; способность и готовность институтов гражданского общества и коммерческого сектора взять на себя ряд функций, ранее являвшихся монополией государства⁵. Однако релевантные реалиям постиндустриального мира данные установки оказались ограниченно применимыми на постсоветском пространстве, поскольку только немногие из вызвавших к жизни NPM предпосылок наличествуют в данном ареале.

Кроме того, на наш взгляд, существенной причиной проблемных результатов постсоветских версий государственного строительства стало заметное упрощение современных концепций и практик государственного управления в развитых странах в связи с гипертрофией идей маркетизации государственного управления. Современные представления о государстве (и современная мировая политико-административная практика) исходят из разнообразия полномочий и функций государства. Ключевым в данном контексте предстает

разделение функций государства на традиционные и современные. К числу первых эксперты относят обеспечение внутренней и внешней безопасности, административное и общее политическое управление. К категории вторых — политику государства в таких сферах, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, фундаментальная наука.

Особенностью эволюции государственных институтов на рубеже XX–XXI веков стало перераспределение традиционных и новых функций в пользу последних. Оно было обусловлено отнюдь не гуманитарными соображениями, а главным образом мотивами экономической целесообразности — стремлением обеспечить конкурентоспособность национальных экономик. Анализ опыта лидеров мировых рейтингов конкурентоспособности (включая столь существенно различные по ключевым параметрам, как США и Сингапур) показывает, что одной из ведущих технологий обеспечения конкурентоспособности стало создание и эффективное функционирование «knowledge based economy». Ключевым условием, предпосылкой и инструментом создания экономики данного типа стало качество человеческого потенциала, развитие которого является исключительной прерогативой государства. Отсюда — значительные вложения в человеческий капитал, осуществленные в успешных экономиках мира.

Опыт наиболее экономически развитых стран показывает, что развитие человеческого потенциала выступает механизмом развития. В развитых странах развитие человеческого капитала является ресурсом и фактором создания knowledge-based economy, в развивающихся обществах — инструментом преодоления бедности и разрыва порочного круга «бедность—необразование—бедность», что отличает современное «государство развития» («new developmental state») от его предыдущей версии («old developmental state»), основанной на представлениях о первоочередности экономического по отношению к социальному: «Сегодня мы наблюдаем инверсию социального и экономического по сравнению с периодом индустриализации: социальное выдвигается на первый план, экономическое подчиняется его императивам»⁶.

Помимо отмеченных уязвимостей систем управления в постсоветских государствах, еще одним серьезным препятствием на пути постсоветских модернизаций является *доминирование интересов сырьевых и шире — первичных секторов не только в экономике, но также в системе принятия политических решений*. Помимо изъянов общеполитического характера, такая зависимость находит выражение, как правило, в кадровом составе управленческого звена, протекционизме и скрытой «профилизации» процесса принятия государственных решений (многие из которых прямо или косвенно направлены на продвижение интересов сырьевого сектора). Нефть и газ в постсоветских полициях, по сути, стали государствообразующими отраслями, а

их представители в аппарате государственного управления — важнейшими режиссерами политико-административных процессов. Если в Индонезии в период ускоренной модернизации полученные от экспорта нефти средства направлялись на развитие технологических отраслей, в государствах постсоветского пространства, пожалуй, только в Казахстане — и то в чрезвычайно урезанном варианте, непоследовательно и выборочно, — часть полученных от экспорта ресурсов средств направляется на модернизацию. В этом отношении строительство новой столицы — Астаны — выглядит вполне символично.

Причины неудач модернизационных проектов на постсоветском пространстве во многом определены слабостью модернизационных ценностей и установок в структуре мотивационных характеристик элит. Базовые установки последних во многом определили конфигурацию конкретных проявлений неэффективности систем государственного управления на постсоветском пространстве. Речь идет о специфике рекрутинга и ротации административно-политической бюрократии:

- практически повсеместное доминирование патрон-клиентных отношений и доминирование клановой матрицы в формировании элит, нивелировка меритократических принципов;
- фактическое отсутствие концептуально выстроенной системы подготовки кадров;
- непропорционально высокое влияние партикулярных интересов по отношению к государственным;
- неоптимальность отношений управленческой бюрократии с крупным бизнесом;
- высокая степень внутриэлитной конфликтности и др.

Особо негативную роль играют отношения клиентелизма в процессах рекрутинга элит. Несмотря на амбивалентность данного феномена (так, в большинстве стран Юго-Восточной Азии патро-клиентные связи бизнеса и бюрократии не помешали модернизации), на постсоветском пространстве клиентелизм выступает де-модернизационным фактором. Наряду с вышеуказанными общими характеристиками следуют отметить *диверсификацию* конкретных политико-режимных моделей клиентелизма и сопряженных с ними специфических дефектов управления в постсоветских государствах.

Помимо конкретно-управленческих измерений проблема слабости модернизационных мотиваций элит имеет и исторические измерения. Известно, что важным условием успеха модернизации является позитивный консенсус элит и общества относительно развития. Однако констатировать подобный консенсус на постсоветском пространстве пока не представляется возможным. Напротив, сегодня уместнее ставить задачу *реабилитации ценности идеи развития* в общественном сознании. Исторически истоки трудностей имплантации

модернизационных проектов в России восходили к слабости внутренних импульсов развития в рамках мобилизационной модели, по которой развивалась страна на протяжении нескольких столетий. Глубина проблемы заключается в том, что, несмотря на перманентную приверженность лучших философских умов исторической России идеям глобальной эсхатологии, в *реальной* жизни идея развития в стране не относилась к числу *безусловных базовых* ценностей как массового, так и элитарного сознания.

В исторической России осуществление модернизаций, как правило, сопровождалось сверхнапряжением и сверхэксплуатацией *массовых групп*, и, соответственно, насилием (призванным компенсировать скудность иных ресурсов развития — финансовых, материальных, временных и т.д.). Уместными примерами в данном отношении могут служить петровские реформы и сталинская индустриализация. Настоярженность *политического класса* по отношению к модернизационным проектам определялась тем, что осуществление модернизаций в России, как правило, сопровождалось масштабными чистками самого политического класса, призванными обеспечить максимальную эффективность управленческого аппарата в качестве агента модернизации. Самый яркий пример — репрессии 1930-х гг., в ходе которых на смену «старой гвардии» пришел «военно-спортивный класс» (Г. Федотов) — «железные наркомы» и «железные секретари».

Постсоветский период ознаменовался заключением негативного консунсуса относительно развития: *и элиты, и население солидарно отвергали ценности развития*. И если равнодушие *массовых групп* к ценности идеи развития (обусловленное маргинализацией связанных с авангардными укладами слоев) было половиной беды, ибо позиция массовых групп не оказывала значимого влияния на определение стратегического курса, то результатом глубокого индифферентизма элит к идее развития стала де-модернизация экономики. Элиты продемонстрировали *утрату стратегической субъектности, без которой развитие невозможно*.

В свою очередь, стратегическая бессубъектность стала следствием целого ряда причин, среди которых следует упомянуть практически повсеместную — исключения редки, — приватизацию государственных институтов кланово-корпоративными структурами. Значение этого обстоятельства определено тем, что реализация исторической и политической субъектности невозможна без наличия государственной оси идентификации как инструмента агрегирования общезначимых целей и ценностей. Между тем для политического класса ценностно значимым стал корпоративный (точнее, квазикорпоративный, часто — клановый) принцип идентификации, для населения — региональный. Еще одной причиной неэффективности элит стала высокая степень внутриэлитной конфликтности: элита представляла в качестве *террариума единомышленников*.

Однако важнейшие глубинные истоки неэффективности элит на постсоветском пространстве в качестве субъекта развития во многом определены значительными политическими, психологическими и нравственными издержками практик форсированной модернизации на протяжении предшествовавших исторических периодов и возникшими в ходе этого развития деформациями. Индифферентность постсоветских элит к проблемам стратегии стала оборотной стороной и результатом гипертрофии эсхатологической устремленности предыдущих версий форсированных модернизаций с их *приматом ценности будущего и инструментальности настоящего*. Перефразируя известную формулу Дж. Кеннеди, можно сказать, что в России слишком долго спрашивали «Что ты можешь сделать для страны», поэтому сейчас большинство граждан интересуется тем, что страна может сделать для них.

Индифферентизм постсоветских элит к идее развития определяется их колоссальным неудовлетворением в связи с перманентно воспроизводившимся *противоречием между функциями владения и распоряжения*, свойственного советской номенклатуре, преемницей которой стали постсоветские элиты. Распоряжаясь колоссальными материальными государственными ресурсами, совпартноменклатура в части личного состояния была весьма бедной, а по меркам сегодняшнего дня — нищенствовала. Большая часть имущества даже высших иерархов было казенной; на мебели стояли штампы управления делами, и это имущество подлежало периодической инвентаризации. Именно *противоречие между правом распоряжения* — действительно масштабным, в отдельные периоды практически неограниченным — и *правом владения* (вернее, фактическим отсутствием такового) стало ключевым противоречием сознания советской номенклатуры, побудившим советский правящий класс стать «могильщиком» советской системы. Поэтому неудивительно, что доминирующей целевой установкой постсоветской элиты стало стремление *получить все сразу здесь и теперь* — даже ценой отказа от миссии модернизации.

Естественным подобным продуктом этой установки стала ре-архаизация и ре-традиционализация вместо модернизации, в том числе и в сфере элитообразования. В этом контексте не случаен произошедший в ряде республик бывшего СССР масштабный регресс процессов элитообразования, характеризующийся в ряде регионов переходом от релевантного модерну бюрократического принципа формирования управленческого аппарата к рекрутированию элит на основе социальных связей добуржуазного типа. Заново образовались и обрели политический статус жузы в Казахстане, региональные кланы в Узбекистане, земляческие кланы в Таджикистане и родственные кланы в Туркмении, тейпы в Чечне и т.д. Поэтому задача формирования модернизационной ценностной

мотивации политического класса в настоящее время весьма сложна.

Сложность задачи дополняется еще и тем, что переориентация на цели модернизации определяется не только краткосрочными факторами, но также *законами длинных волн* колебаний между приверженностью общезначимым и приватным ценностям, ибо общественная жизнь, как писал Эмерсон, «физиологична» — подвержена циклическим изменениям. «Смену веков» можно проследить на материале американской истории, апеллируя к известной работе А. Шлезингера «Циклы американской истории». Этот автор убедительно показал, что общественная активность и приватный интерес в истории циклически сменяют друг друга (цикл в данном случае определяет перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц); длительное социальное напряжение истощает нацию эмоционально.

Поскольку вне подобного длительного напряжения модернизация невозможна («Развитие есть тяжелая недобровольная работа, направленная против самого себя», писал Гегель⁷), пики последней неминуемо сменяются упадком общественных сил. В эти периоды политическая деятельность на классовой и групповой основе затухает, а политическая деятельность, формируемая факторами культурного характера — по этническому, религиозному, моральному признаку — выходит на первый план. Поэтому помимо отдыха, период доминирования частных интересов — это время консолидации, в рамках которого усваиваются и узакониваются нововведения предшествующего периода, а также накапливаются предпосылки для будущего рывка⁸.

Отказ постсоветских элит от модернизационных проектов и *миссии развития* стал платой за обретение прежним «служилым классом» статуса элиты в плане обретения беспрецедентных по масштабу привилегий. Как показывает опыт большинства модернизаций, осознание элитой своей модернизационной миссии — не последняя по значимости предпосылка модернизации. Если *функция* властной элиты — принятие политико-управленческих решений, то ее *миссия* — это *производство смыслов, целей и стратегий движения ведомого ею общества*. Элита является таковой, когда она способна к продуцированию общезначимых смыслов и стратегий. Взгляд на постсоветские элиты показывает, что в этом также есть серьезные сложности. Точнее, постсоветские элиты эффективны в производстве *приватных*, а не *общезначимых* смыслов и стратегий. В чем истоки этой ситуации?

Если бы потребовалось односложно определить существо нынешнего периода эволюции постсоветских элит, то предельно лаконичной характеристикой была бы констатация их *пост-имперского этапа*. Одно из правил диалектики гласит: познание сущности возможно при выходе за ее пределы. Иначе

говоря, все познается в сравнении. Сравнительно недавно был отмечен 55-летний юбилей пребывания на престоле королевы Елизаветы II, правление которой войдет в анналы не только как одно из самых длительных в мировой истории, но и как испытывшее на себе тяжелейший кризис — распад одной из величайших империй мира, о которой прежде говорили, что над ней «никогда не заходит солнце». Представляет интерес взгляд на постимперскую эволюцию России в свете британского опыта.

Сложившись в течение XVI–XVIII веков, Британская империя достигла пика могущества в середине XIX века. Российская — веком позже, став второй после Британской империи страной по размеру территории в начале XVII века. Спустя столетие — в начале XVIII — страна обрела имперский статус, а в середине XX века, после Второй мировой войны, — в формате СССР — превратилась во вторую в мировой политической иерархии величину. Именно в этот период началось крушение Британской империи. Через полвека последовал распад империи советской. И хотя падение этих империй разделяет всего около полувека, и процессы заката имеют немало общих черт, но существенных различий — больше.

Главное отличие заключается в том, что распад Британской империи был вынужденным по характеру: она пала под напором центробежных импульсов, исходивших из колоний, несмотря на энергичные и целенаправленные усилия элиты по сохранению империи. Черчилль, вернувшийся во власть в 1951 году, через четыре года после утраты главной имперской жемчужины — Индии, — заявил, что выиграл выборы не для того, чтобы «председательствовать при закате Британской империи». Распад ставшего преемницей Российской империей СССР в высшей точке его могущества в немалой степени был инициирован самой отечественной элитой — позднесоветской номенклатурой. И если логика действий руководителей республик очевидна — ими двигало стремление обрести независимую от Москвы легитимность, то не вполне логичный с формальной точки зрения добровольный отказ центральной элиты от власти во многом был определен особенностями внутренней организации, ментальности и установок сознания отечественной элиты конца 1980-х годов. Именно эти особенности сыграли ключевую роль в определении дальнейшей судьбы модернизационного проекта.

С чего начинается империя? «Тремя китами» любой империи являются: *собственный «Большой проект»*, *избыточная энергетика населения* (пассионарность — как витальная, так и метафизическая) и *эффективные технологии рекрутирования имперской элиты*, осознающей свою миссию. Совокупность перечисленных факторов составляет метафизическое пространство империи, вне которого невозможно ее физическое тело. Первым собственным значимым историософским имперским проектом в России стал проект «Москва — Третий Рим». Впоследствии этот

проект обретал различные версии, одной из которых стал III Интернационал. Не случайно Н. Бердяев писал, что вместо «Третьего Рима» в России удалось осуществить «Третий Интернационал»⁹.

Особенностью историософской доктрины Российской империи, обретшей после 1917 г. формат СССР, была установка на развитие: «рука Москвы» была тяжелой и жесткой, но в периферийных территориях она выполняла функцию модернизации. Определенные аналогии в этом можно провести и с империей Британской: как справедливо отмечает Алексей Громыко, несмотря на чудовищные издержки имперского строительства, империя не рассматривалась британцами исключительно как источник наживы — ее воспринимали как взаимосвязанное сообщество. Сложившееся в середине XIX в. представление о «бремени белого человека» сформировалось не в последнюю очередь как оправдание цивилизаторской — то есть модернизационной — миссии.

Что касается *энергетики населения*, то она в России на протяжении веков выступала неиссякающим ресурсом, являющимся необходимым «горючим материалом» любого исторического движения. Однако, похоже, безжалостный к России XX век истощил доселе бездонный ресурс психологической энергии: несколько революций, форсированная системная модернизация страны и победа в самой кровавой из войн потребовали таких усилий, что поставили население страны на грань психологического и физического выживания на рубеже тысячелетий. Но важнейшие причины, определившие разницу постимперской эволюции России и Британии, коренятся в особенностях формирования и ментальности политического класса двух стран.

Специфика российской элиты была определена условиями и темпами имперского строительства в России. Не последним по значимости фактором стали особенности территориального строительства Российской империи. Известно, что вызов пространства — «собираение земель», необходимость освоения и консолидации огромных территорий — самый сложный вызов любой империи. Динамика пространственного расширения в процессе создания Российской империи была беспрецедентной. Только в период между серединой XVI в. и концом XVII в. Москва ежегодно в среднем приобретала земли, равные площади современной Голландии (150 лет подряд!). К началу XVII в. Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а присоединенная в первой половине XVII в. Сибирь по масштабу вдвое превышала площадь Европы. А. Тойнби впоследствии написал, что присоединение Сибири стоило России цивилизации. К середине XVII в. Российское государство стало самым большим государством в мире, а к середине XVIII в. территория России по сравнению с Московским княжеством начала правления Ивана III увеличилась более чем в 50 раз, составив шестую часть обитаемой суши. Таким

образом, Российская империя вышла по масштабу территории на второе место после Британской.

Территориальное расширение в столь значительных масштабах такими темпами в условиях бедности государственной казны (не случайно русский историк Сергей Соловьев применительно к России употреблял выражения «бедная страна», «бедный народ») требовало запредельного напряжения сил и населения, и элиты. Российскую империю «народ строил и отстаивал ценою беспримерных в истории человечества жертв» писал Иван Солоневич. «Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это... государство», — констатировал Георгий Федотов. Чего стоили одни петровские реформы или сталинская индустриализация! Не случайно именно с петровских времен берет начало многовековой спор сторонников расширения территории страны и приверженцев сдержанности в расширении границ государства — спор, актуализировавшийся в советскую эпоху.

В условиях подобного имперского строительства России рекрутирование властного класса, начиная с XV в., было выстроено по «служилому лекалу», основанному на принципе «привилегии — за службу государству». Этот принцип предполагал наделение управленческого класса государства — его политической элиты, — временными привилегиями в качестве вознаграждения за несение службы государству. Поэтому в качестве политической элиты России на протяжении пяти веков выступал высший эшелон административно-политической бюрократии. Сформировавшись еще в Московском государстве, этот принцип, благодаря реформам Петра Первого, стал технологией формирования политической конструкции Российской империи. Можно с определенностью сказать, что имперская элита в России началась с отказа от принципов местничества и землевладения в пользу «служилого критерия».

Этот критерий не случайно стал основанием системы рекрутирования власти: привилегии стали «пряником», необходимым для привлечения на государственную службу: последняя в условиях России порой была весьма далека от положения праздного класса. Более того, Василий Ключевский констатировал, что в России обязательные государственные повинности падали на высшие служилые классы порой с наибольшей тяжестью¹⁰. Ричард Пайпс писал в этой связи, что по крайней мере в одном отношении московские служилые люди находились в худшем положении, чем их крепостные: в отличие от них, слуги государевы не могли жить круглый год дома, в кругу семьи¹¹.

Тяжесть государственной службы на протяжении значительных периодов российской истории была столь значительна, что, например, в XVII в. массовый характер приобрело явление закладничества — уклонение от государственной службы

путем перехода в холопы, т. е. ценой потери личной независимости. Причем закладничество приобрело столь массовый характер, что правительство вынуждено было принять законодательные меры по борьбе с этим явлением, вплоть до угрозы смертной казни.

Применительно к советской эпохе известный итальянский исследователь Джузеппе Боффа отмечал, что в 1930—50 гг. в СССР принадлежность к номенклатуре означала тяжкую изнурительную работу, скромно оплачиваемую и не ограниченную временем, чреватую физическим и психологическим переутомлением. Высокую степень напряжения высшего управленческого эшелона советской номенклатуры в 1930-е годы отмечал и Леон Фейхтвангер: «Почти все москвичи, занимающие ответственные посты, выглядят старше своих лет... на этих людях сказываются вредные последствия переутомления, работа совершенно выматывает их»¹².

Пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией положения отечественной политической элиты можно считать эпизод из воспоминаний известного советского руководителя Николая Байбакова, относящийся к лету 1942 года. Известно, что ключевым моментом этого периода войны была битва за Кавказ: овладение нефтяными месторождениями выступало важнейшим условием дальнейшего продвижения вермахта, испытывавшего острейший дефицит горючего. Поставленная перед Байбаковым — тогдашним замнаркомом нефтяной промышленности, — задача была чрезвычайной: уничтожить нефтяные скважины Грозного в случае захвата города немцами. Сформулированные Сталиным Байбакову условия выполнения этой задачи были весьма жесткими: «Если Вы скважины не взорвете, и нефть достанется немцам, мы Вас расстреляем. Но если Вы скважины взорвете, а немцы город не захватят, мы Вас тоже расстреляем...»¹³.

Эти «картинки с выставки» призваны очертить контекст существования российского политического класса, положение которого было весьма далеко от статуса подлинной элиты. Подобные параметры имперского строительства в России и определили востребованность модели формирования ее властного класса по принципу наделения *временными, на условиях несения службы государству*, привилегиями. На основании этого принципа формировалось боярство в Московском государстве; дворянство и имперская бюрократия в Российской империи, партийно-хозяйственная номенклатура в СССР. Этот «сквозной» исторический принцип формирования российской элиты определял перманентность ее стремления обрести передающиеся по наследству, а не временные и увязанные с несением службы государству, привилегии. В этом был смысл «Манифеста о вольности дворянской» Петра III (1762 г.), подтвержденного «Жалованной грамотой дворянству» Екатерины II (1785 г.).

Обретение *полноценных* привилегий в 1990-е годы стало революцией элит, а собственность стала ключевым основанием рекрутирования во власть. Произошла *приватизация не только государства, но и статуса элиты*. Из носителя миссии она стала *приватным субъектом*. Создание империи — акт «длинной» исторической воли, требующий *пассионарности*. Гегель был прав: «Ничто великое в мире не совершалось без страсти». Но страсть истощает. Имперская элита устала от имперского бремени. Платой за приватизацию подлинных (передающихся по наследству, а не увязанных со службой государству) привилегий стал отказ российского политического класса на исходе XX в. от модернизационной миссии.

Однако автор далек от обличительного пассажа — как минимум потому, что ответственность за судьбу страны несут не только элиты, но и общество: каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Качество руководящего слоя есть лакмусовая бумага качества общества. Кризис лидерства — верный признак упадка нации¹⁵. Тяжелейшего, но временного и преодолимого, или окончательного — вопрос открытый... В «Философии истории» Гегель разделял народы на исторические и неисторические. Предназначение первых — воплощение воли мирового духа (или смысла истории в терминологии Карла Ясперса) на различных этапах истории. Выполнив историческую миссию, народ может перейти в статус неисторического. Хочется думать, что применительно к евразийскому пространству этот исход не предопределен.

Если вернуться к аналогии с Британией, то трансформация миссии произошла не благодаря, а вопреки усилиям политического класса. Сохранить империю не удалось, и многое из того, что знакомо нам по отечественной истории последних лет, имело место и в Альбионе. И тем не менее, хотя в начале 1960-х годах о Британии говорили, что она «утратила империю и не нашла новой роли в мире», а в 1970-х называли «больным человеком Европы», как некогда Османскую империю, снижение субъектности не носило характер обвала. Парадоксальность ситуации заключается в том, что объективные предпосылки модернизации — разнообразный потенциал, обширная (пока) территория, разнообразные политические механизмы. Недостаточно одного, но ключевого ресурса — «длинной» политической воли. Пассионарности. Куража. Страсть истощает... Впрочем, снижение политической субъектности может быть сублимировано в экономическую пассионарность — экономическую модернизацию. Вспоминается хрестоматийно известная траектория экономического класса другой страны — «Финансист-Титан-Стоик». История может повториться...

Summary: *The article is devoted to the analysis of the configuration and role of the state in post-Soviet countries. Nevertheless significant political, cultural, and functional diversities these countries have much in common. Among these common features — domination of the authoritarian regimes and failure of modernization projects. Combination of the characteristics mentioned gives a reason for determination of institutional design of these states as authoritarianism without development. The latter sounds as the anti-thesis of the famous idea that in the majority of successful modernization cases namely the developmental state (though authoritarian) acted as the key modernization agent.*

Ключевые слова	Keywords
: государство, модернизация, режим, элиты	state, modernization, regime, elites

Примечания

1. Подробнее см.: Алексеева Т. А. Узаконивание государства // Политическая философия. М.: РОССПЭН, 2006.
2. Gaman-Golutvina O. Contradictions between Freedom and Development: Historical and Contemporary Dimensions (Russian Case). In: Dyczok M., Gaman-Golutvina O., eds. Media, Freedom and Democracy. Bern, 2009.
3. Шевцов Ю. Феномен Белоруси. М.: Европа, 2005. С. 216, 161.
4. Подробнее см.: Oleinik, Anton, ed. Reforming the State without Changing the Model of Power? On Administrative Reform in Post-Socialist Countries. London: Routledge, 2009; Гаман-Голутвина О., Олейник А., ред. Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций. М.: РОССПЭН, 2008.
5. B. Boston and J. Straussman, Public Management Strategies: Guidelines for Managerial Effectiveness (San Francisco: Jossey-Bass, 1991); G. Frederickson, 'Comparing the Reinventing Government with the New Public Administration', Public Administration Review. Vol. 56. № 3 (1996); G. Frederickson, The Repositioning of American Public Administration, Political Science and Politics, Vol. 73, № 1 (1999); C. Hood, Beyond the Public Bureaucracy State? Public Administration in the 1990s (London: Department of Government, London School of Economics and Political Science, 1990); C. Hood and M. Jackson, Administrative Argument (Aldershot: Dartmouth Publishing, 1991); Managing Across Levels of Government (Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1997); D. Osborne and T. Gaebler, Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector (New York [et al]: A Plume Book, 1992); G. Peters, 'Models of Governance for the 1990s', in: D. Kettl and B. Milward (eds), The State of Public Management (Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1996); G. Peters and D. Savoie, 'Managing Incoherence: The Coordination and Empowerment Conundrum', Public Administration Review, Vol. 58, N2 (1996).
6. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Под ред. В. Иноземцева. М., 2009. С. 144–145.
7. Г. В. Ф. Гегель. Философия истории. М., 1993.
8. Шлезингер А. «Циклы американской истории». М., 1992.
9. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
10. Ключевский В. История сословий в России. М., Петроград, 1918.
11. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
12. Фейхтвангер Л. Москва 1937 год. М., 1990.
13. Байбаков Н. Сорок лет в правительстве. М., 1993.
14. Г.-В.-Ф. Гегель. Философия истории. М., 1993.
15. Gaman-Golutvina O. Political Leadership and Political Elites in Russia. In: Masciulli J., Molchanov M., Knight W. A. The Ashgate Research Companion to Political Leadership. Ashgate, 2009.